

Ушуан приподняла бровь. Мо Сяобай подумал, что она ему не верит, и поспешно добавил:

— Сестра, правда! Нила говорит, что его родители владели колдовством — могли разговаривать с призраками и видеть человеческие души! Только... его отец умер еще до его рождения, а с матерью расправились — содрали кожу и расчленили. Какая жестокость!

Ушуан озадаченно спросила:

— Я знаю, что в этом мире есть всякие знахарки и колдуньи, но... Мо Сяобай, кто такой этот Нила? Почему я раньше о нем не слышала?

— Да это же тот коротышка, с которым я только что был! — Мо Сяобай вытаращил глаза на Ушуан. — Он новенький, моего возраста! Из Индонезии, худой и черный, как уголек. Я зову его Баклажанчиком, а он еще и недоволен!

Мо Сяобай надул губы:

— Похож ведь, и очень даже!

Ушуан подняла взгляд на далекую тощую фигурку и слегка нахмурилась:

— Мо Сяобай, глава уехал всего пару дней назад, а ты уже завел новых друзей?

Мо Сяобай нахмурился еще сильнее и возмущенно рявкнул:

— Какое вообще отношение к главе имеет то, что я завожу новых друзей? Я ему не ручной зверек, чтобы меня в клетку запирали и не выпускать гулять с другими! К тому же, глава — мой старший брат, разве старший брат не должен радоваться, когда у младшего появляются друзья?

Ушуан сжала зубы, про себя подумав: Мо Сяобай, ты просто понятия не имеешь, как сильно глава хочет запереть тебя в клетку! Лишь бы ты целыми днями не крутил хвостом налево и направо, заставляя его волноваться!

Она гневно зыркнула на него и спросила:

— А Мо Чэнь где? Куда он запропастился? Ты от него избавился?

— Мамочка Ши И его позвала! — Мо Сяобай выглядел довольно удрученным. — Глава уже выпустился, братец тоже почти закончил учебу, а я когда смогу выпускиться?

— Сосредоточься на тренировках и перестань водиться со всякими сомнительными типами, и мамочка позвонит тебе выпускиться куда раньше!

— Ни за что не поверю! Глава смог выпускиться уже в шестнадцать лет, а у меня способности самые слабые, так что мамочка наверняка погоняет меня на тренировках еще пару лет! Того и гляди, до двадцати лет сидеть буду! У-у-у, моя молодость, а-а-а!

Ушуан закатила глаза:

— Мо Сяобай, не забывай, что большую часть своей молодости ты провел в объятиях главы!

— Хм! — Мо Сяобай сердито зыркнул на нее, прижал к груди свой узелок и, задрав нос, гордо зашагал прочь.

Ушуан тут же ухватила его за ухо:

— Мо Сяобай, главы нет, так ты посмел на меня зыркать! Жить надоело?! Мо Сяобай взвыл от боли и принялся настойчиво молить о пощаде. Ушуан давно уже не выносила его бесчинного нрава, а теперь, когда главы не было рядом, выпал отличный случай как следует его проучить. Разве могла она вот так просто отпустить его!

Они дошли до общежития, продолжая цапаться и трепать друг друга. Всю дорогу Ушуан тащила Мо Сяобая за ухо, и к моменту прибытия оно покраснело и горело огнем. Обиженно надув губы и едва сдерживая слезы, он подумал: стоило главе уехать, как он тут же превратился в мальчика для битья! Все считают, что его легко обидеть, и норовят помыкать им!

Он сочувственно потрогал свое пылающее ухо и мысленно пообещал себе, что при первой же встрече обязательно пожалуется главе! Потребуется, чтобы глава задал перцу и его сестрице, и братцу! Вчера братец тоже накричал на него! Он все-все помнит! Хм!

Отдав вафли Мо Сяобаю, Ушуан отправилась в кабинет инструкторов. Е Вэй, Ши И и Мо Чэнь уже были там. Заметив вошедшую Ушуан, Е Вэй повернулась к Ши И: — Все-таки дочери — это настоящее сокровище! Когда навещает Мо Сяобая, не забывает и мамочку заглянуть поведать!

Ушуан подошла и обняла Е Вэй: — Мамочка, Мо Сяобай — попутный повод! Я в первую очередь к тебе!

— Ой, брось! — скептически фыркнула Е Вэй. — Думаешь, я не знаю, кто тебя послал?

Ши И спросила: — Как там в последнее время глава?

Ушуан нахмурилась: — Сейчас все дела Мафии рухнули на плечи одного главы, а я мало чем могу помочь. После того возвращения с Ближнего Востока глава уже несколько суток не смыкал глаз.

Ши И помрачнела от тревоги и посмотрела на Мо Чэня: — Тебе тоже нужно поскорее заканчивать учебу и возвращаться на помощь главе!

— Мам, — замялся Мо Чэнь, — но глава сам велел мне остаться здесь и приглядывать за Мо Сяобаем.

Ушуан тоже вмешалась: — Когда я уходила, глава как раз говорил, чтобы Мо Чэнь побыл здесь еще немного — он переживает за Мо Сяобая.

— О чем тут переживать! — Е Вэй изогнула брови. — Неужели я пожру Мо Сяобая, что ли? — Она скользнула взглядом по Мо Чэню. — Даже если бы и сожгла, с присутствием Мо Чэня это

превратилось бы разве что в добавку из человеческого супа!

Мо Чэнь покрылся мурашками с ног до головы, машинально провел рукой по шее и умоляюще посмотрел на Ши И.

Помолчав немного, Ши И произнесла: — Мо Чэнь, останься еще на три месяца. Через три месяца Мо Сяобаю исполнится шестнадцать, тогда и выступишь выпускное задание.

Помолчав немного, Ши И произнесла: — Мо Чэнь, останься еще на три месяца. Через три месяца Мо Сяобаю исполнится шестнадцать, тогда и выступишь выпускное задание. Осенний Ближний Восток окутывал лёгкий туман, непрекращающийся моросящий дождь наполнял воздух влажной прохладой.

В часы полуденного отдыха Мо Сяобай лежал в одиночестве в казарме, широко раскрытыми персиковыми глазами свирепо уставившись на верхнюю койку — так, будто хотел прожечь в ней дыру.

Но как бы зло он ни глядел, на пустой кровати от этого никто не материализуется.

Мо Яо не навещал его уже три месяца.

Сегодня у Мо Сяобая шестнадцатый день рождения. Ещё с прошлой ночи он ворочался на постели, не в силах сомкнуть глаз, и с замирающим от тоски сердцем гадал: придёт ли сегодня глава? Сколько себя помнит, все его дни рождения братья всегда праздновали втроем. Сейчас же Мо Чэнь отправился на выпускное задание, и если не явится глава, он останется совсем один-одинёшенек...

Мо Сяобай снова перевернулся на другой бок и случайно заметил валявшийся в ногах пустой пакет из-под блинчиков. Распластавшись на кровати, он протянул длинную руку, схватил упаковку и занёс кулак для удара.

Пакет был пластиковым. Мо Сяобай со злости несколько раз хорошенько врезал по нему, а заметив, что полиэтилен даже не порвался, разозлился ещё сильнее. Стиснув зубы и глядя на него в упор, он нанёс ещё пару ударов: — Хм! Обещал ведь: съешь — и я тебе ещё привезу! И где люди? Где люди! Неужели забыл про меня? Хм! Паршивый глава! Только и умеет, что врать! Врёт и врёт!!!

Словно обезумев, Мо Сяобай яростно лупил по постели, вымещая злость, и без умолку костерил Мо Яо. Он ругал своего главу за обман и вероломство, ругал за то, что тот забыл о нём и даже пропустил его день рождения.

За последние три месяца общая продолжительность сна Мо Яо едва ли набегала и на неделю. Наконец разобравшись хоть с какими-то делами Мафии, он едва перевёл дух и тут же прилетел

на Ближний Восток.

Стоило ему толкнуть дверь казармы, как он увидел, что Мо Сяобай лупит матрас. Вид у того был такой помешанный, что он даже не заметил чужого прихода. Мо Яо медленно приблизился и тихо спросил: — Сяобай? Что ты делаешь?

Мо Сяобай в этот момент мысленно представлял на месте пакета холодное, раздражающее лицо Мо Яо. Чем дольше он на него смотрел, тем сильнее его бесил этот образ. Всё больше распаляясь, он гневно бормотал: — Не приходишь! Больше не приходишь! Хм! Вот приедешь — я тебе покажу!

— Хм! И ещё спрашиваешь, что я делаю! Не видишь, что ли, я тебя бьют?

— Не думай, что я не осмелюсь! Если не явишься, я мигом сделаю тебе фингалы под глазами!

Он продолжал колотить упаковку кулаками, воображая, как у его главы под суровыми, холодными глазами расплываются чёрные синяки. Вылитая большеглазая панда, которая вечно ходит с каменным лицом — до чего же мило!

При этой мысли он не выдержал и прыснул со смеху.

Мо Яо стоял рядом и, глядя на то, как Мо Сяобай то злится, то хихикает, уткнувшись носом в постель, сильно нахмурился. Его снесло страшное беспокойство: неужели Сяобай, как и говорил Мо Чэнь... тронулся рассудком? Его рассудок помутился от тех потрясений, что он перенёс?

Разве Ушуан, вернувшись, не говорила, что с ним всё в порядке?

Мо Яо наклонился ближе и легко похлопал его по плечу: — Сяобай? Ты в порядке?

Мо Сяобай как раз наслаждался милым образом своего главы и раздумывал над тем, какие звуки издают панды. Интересно, есть ли среди панд такая же холодная и рассудительная особь, которая берёт под крыло своего младшего братца, чтобы плечом к плечу сражаться с неприятелем?

Он предавался этим мыслям с огромным удовольствием, как вдруг прямо над ухом раздался низкий, ледяной голос, от которого повеяло до боли знакомым ароматом — словно мягкий ветерок окутал его целиком с головы до ног.

Кулак Мо Сяобая замер, оперевшись в матрас. Его мысли заторможено застыли, не успевая осознать происходящее: панда... заговорила? Он несколько раз часто моргнул: на кровати не было ни той противной физиономии, ни панды — лишь пустой пакет.

Кто это сейчас с ним говорил?

Мо Сяобай ошеломлённо обернулся. Вся злость и обида испарились без следа, а узкие персиковые глаза округлились до предела. Он недоверчиво уставился на главу.

Этот человек — тот самый, о котором он только что думал, на которого жаловался и которого мысленно лупил, превращая в панду... сейчас стоял прямо перед ним?

Он захлопал ресницами, склонил набок голову и неподвижно уставился на Мо Яо.

Мо Яо присел на край кровати и с нежной заботой взъерошил волосы на его макушке, после чего встревоженно спросил: — Сяобай? Что с тобой?

Мо Сяобай перехватил его руку и прижал к своей ладони. Тонкие мозоли на подушечках пальцев казались до боли реальными. Он кубарем скатился с кровати, прямо-таки врезавшись в Мо Яо, поднял руку и легко шлёпнул главу по щеке, чтобы окончательно убедиться в реальности происходящего.

Мм, это его старший брат. Никакой не пакет и не фантастическая панда.

Мо Сяобай с уверенным видом кивнул: — Брат? Ты почему пришёл? Когда успел? И почему появился так внезапно?

Мо Яо нахмурился и убрал руку Сяобая со своего лица: — Только что приехал. Сяобай, чем ты тут занимался?— Н-не... ничего я не делаю! — Мо Сяобай слегка смутился. Мо Яо на мгновение задумался, его ладонь невольно сжалась, а во взгляде, устремленном на юношу, мелькнула тень разочарования.

Мо Сяобай тут же отдернул руку, надул губы и принялся жаловаться:

— Ты же обещал, что когда я всё съем, принесешь еще! Сколько времени уже прошло? Я давно всё съел, а тебя всё нет и нет!

Мо Яо забрал руку обратно:

— Разве Ушуан не привозила тебе столько?

— Хмф! Мамица всё до единого конфисковала! — Мо Сяобай начал изливать душу. — Охрана в лагере — просто орлиный глаз. Заметили, что сестрица вошла с узелком, а вышла с пустыми руками, и донесли мамике. Ну, мамика сразу заявила и шмонать мою кровать и шкаф! Хорошо, что я спрятал те первые панкейки прямо в одежде, собирался вынести наружу и поделиться с Нила, — только так и спасся! А иначе вообще ничего бы не осталось!

Мо Сяобай выглядел словно обиженный возлюбленный, который без умолку жалуется на бытовые мелочи своему давно не видевшемуся тайному любовнику. Мо Яо смотрел на егодвигающиеся губы, ровные белоснежные зубки и маленький красный язычок...

Он кашлянул и смущенно отвел взгляд. Услышав, что Сяобай отдал панкейки кому-то другому, он снова помрачнел:

— Кто такой Нила?

Когда в прошлый раз Ущуан вернулась и сказала, что Сяобай завел нового друга, у него на душе скребли кошки, а теперь Сяобай еще и отдает этому чужому человеку свои любимые лакомства?

— Один индонезиек, — с серьезным видом произнес Мо Сяобай. — Глава, он такой бедняга! С детства круглой сиротой остался, его вырастила слепая бабушка. Сколько себя помнит, досыта не ел, да еще вечно побираться ходил!

Мо Яо немного подумал:

— И как же он сюда попал?

Мо Сяобай таинственным полупшепотом сообщил:

— Его бабушка — колдунья! Велела ему в пятнадцать лет прийти сюда на тренировки, говорит, встретишь благодетеля!

— Не верь во всякую чушь! — Мо Яо строго посмотрел на него.

Мо Сяобай закусил пухлую нижнюю губу и возразил:

— Правда! Глава, ты не сомневайся! Может, в этом мире и вправду есть то, чего мы не видим обычными глазами!

Мо Яо протянул руку, разжал его подбородок и заставил перестать покусывать побелевшую губу:

— Ладно тебе, хватит бредить всякой мистикой! Я принес тебе панкейков. Если хочешь поделиться с ним, в следующий раз я захвачу порцию и для него.

Мо Сяобай кивнул, уголки его губ горделиво приподнялись. Это был его глава, носящий его на руках и лелеющий как сокровище. Сколько бы времени ни прошло, глава не изменится, он всегда будет к нему прежним.

На сердце у Мо Сяобая стало сладко-сладко. Он расстегнул куртку Мо Яо, достал спрятанные внутри панкейки, но вдруг резко поднял голову и разочарованно посмотрел на него:

— Глава, ты ведь снова забыл, да?

Глава, ты ведь снова забыл, да?

Мо Яо приподнял брови и озадаченно посмотрел на него:

— Сяобай?

Мо Сяобай опустил голову, поджал губы и виновато покачал головой.

Глава и правда забыл, что сегодня его день рождения! Хмф! Мо Сяобай надул щеки, уткнулся взглядом в пол и принялся прятать панкейки. Заметив, что Мо Яо уже поднялся, он в спешке тоже вскочил на ноги и уныло спросил:

— Ты уходишь?

Мо Яо покачал головой:

— Побуду еще немного. Дождусь вечера, пока Мо Чэнь закончит задание, и уйдем вместе.

— Ага...

— Скоро тренировка, спускайся вниз!

Стоило Мо Яо договорить, как над плацем раздался короткий и резкий свисток. Мо Сяобай бросил взгляд на своего главу:

— Ну, я на тренировку, а ты куда?

Мо Яо изогнул брови и повернулся к Мо Сяобаю. В этих влажных персиковых глазах читалась какая-то тоска и... нежелание расставаться?

Укротив собственные чувства, он погладил растрепавшиеся на лбу у Мо Сяобая пряди:

— Никуда не пойду. Буду стоять на плацу и смотреть на твою тренировку.

— Угу!

Мо Сяобай тяжело кивнул, уголки его губ расплылись в широкой улыбке. На красивом лице засиял яркий, ясный свет, чистый и прозрачный, словно лучи осеннего солнца. Они залили сердце Мо Яо, заставив его тело от макушки до пят наполниться теплом изнутри.

Впервые за эти три месяца он почувствовал прикосновение солнечного света.

Никаких темных кабинетов, никакой бесконечной суеты под землей, никакого ледяного одиночества и холода. Здесь, на Ближнем Востоке, был его Сяобай, было все солнце его жизни.

Глядя на чистую и лучезарную улыбку Мо Сяобая, Мо Яо вдруг охватило странное ощущение: быть может, правду говорила Ушуан, и Сяобай... в глубине души тоже думает о нем, тоже не хочет с ним расставаться... так ведь?

Заметив, что глава погрузился в задумчивость, Мо Сяобай сморщил носик и озадаченно уставился на него.

Мо Яо опустил руку и чуть слышно вздохнул.

Пусть даже это не так — ради того, чтобы сохранить такую улыбку, он готов отдать всё, и даже если придется пожертвовать жизнью, он не пожалеет.

— Спускайся вниз.

Мо Яо обошел Мо Сяобая и зашагал вперед. Мо Сяобай растерянно поплелся следом: он никак не мог взять в толк, о чем это глава только что думал с таким отрешенным видом? Смотрел на него, а мыслями улетел куда-то далеко? Неужели думал о делах Мафии?

Мо Сяобай нахмурился. Ему казалось, что он все меньше понимает своего главу: в тот самый миг в глазах главы мелькнуло какое-то странное... едва уловимое горе?

Он тут же помотал головой, отгоняя эти нелепые мысли. Глава — человек непроницаемый, он никогда не выставляет эмоции напоказ, с чего бы ему разглядеть там какое-то горе? К тому же, глава так силен, разве найдется в этом мире что-то способное заставить его горевать?

Он просто ошибся! Мо Сяобай кивнул сам себе: да-да, ему определенно показалось!

Дневная тренировка выдалась тяжелой. Сразу после обязательного стометрового забега началась высотная стрельба. Курсанты партиями взбирались на деревянные столбы и, удерживая равновесие на висевших на стометровой высоте канатах, вели огонь.

Мишенями служили движущиеся манекены-канатчики, появлявшиеся вокруг курсантов со всех сторон без слепых зон и непрерывно обстреливавшие их серебряными иглами. Курсантам приходилось одновременно уворачиваться и стрелять, ведь стоило хоть на секунду потерять бдительность, как тело пронизывал град серебряных игл.

Реакция и гибкость у Мо Сяобая были отменными, но сегодня присутствие наблюдавшего за ним Мо Яо заставляло юношу слегка нервничать. Вдобавок он то и дело норовил бросить крадцем взгляд на Мо Яо: на месте ли он? Не ушел ли?

Потому-то Мо Сяобай и рассеялся, из-за чего несколько пуль улетели мимо цели.

Несколько серебряных игл опасно чиркнули по его щеке. У Мо Яо сердце подскочило к горлу, он уже собирался окликнуть Сяобая, видя, что тот сегодня явно не в форме, как вдруг издали донесся звонкий окрик Е Вэй:

— Мо Сяобай! У тебя в голове сорняки проросли, что ли? — Е Вэй подплыла ближе своей змеиной походкой. — Отправься ты так на задание, уже раз десять успел бы подохнуть!

Она скосила глаза на Мо Яо и насмешливо улыбнулась:

— Ишь ты! Мо Сяобай, с чего это ты сегодня сам не свой? Какая душа твою заблудшую душу утянула?

Мо Сяобай поджал губы, уверенно стоя на канате и глядя на Е Вэй сверху вниз:

— Мамица, почему у тебя в голове вечно одни пошлые сплетни? Эге-гей, мамича, а ведь сейчас твой любимый сыночек топчет тебя ногами! Тебе приходится задирать шею, чтобы посмотреть на меня!

Мо Сяобай самодовольно ухмыльнулся, но Е Вэй лишь изогнула бровь:

— Ах ты, паршивец! Мо Сяобай, молись, чтобы тебе вечно оставаться на этом канате и никогда не спускаться! Иначе я с тебя шкуру спущу!

Мо Сяобай втянул голову в плечи и озорно показал язык. Он ни капельки не боялся: мамича все равно до него сейчас не доберется, а даже если спустится — рядом глава, ему нечего страшиться!

Глядя на его упрямо вытянутую шею и наглую, бесстрашную физиономию, Е Вэй едва не скрежетала зубами от злости.

Стоит отметить, в последнее время Мо Сяобай вел себя пай-мальчиком: при каждом удобном случае разминал ей спину и плечи, такой послушный был! Кто бы мог подумать, что стоило появиться Мо Яо, как этот наглец снова вернется к своей бунтарской сучности и начнет творить что в голову взбредет — смотреть противно!

Сквозь зубы она рявкнула:

— Мо Сяобай, прекращай дурковать и сосредоточься на тренировке! Промажешь еще хоть раз — сегодня можешь даже не пытаться слезать вниз!

Мо Сяобай скривил плаксивую физиономию и умоляюще посмотрел на Мо Яо.

Мо Яо окинул его глубоким взглядом, посылая безмолвное указание: постарайся быть серьезнее. Мо Сяобай тут же отвернулся, собрался с мыслями, вскинул оружие, прицелился и выстрелил — ни единого промаха.

Наблюдавшая за ними со стороны Е Вэй покачала головой и тяжело вздохнула. Ну когда же этот ее бестолковый сын наконец разберется в собственных чувствах? Ей было искренне жаль главу: связаться с таким дурачком — вот уж выпало испытание!

Не успел Мо Сяобай закончить тренировку, как вернулся Мо Чэнь. Едва перешагнув ворота и заметив на плацу главу, он радостно завопил:

— Глава!

Мо Яо отвел взгляд от Мо Сяобая. Мо Чэнь подбежал к нему в два счета:

— Глава, а ты какими судьбами здесь? Приехал забрать меня домой?

Прекрасно зная, что на самом деле глава приехал ради Мо Сяобая, Мо Чэнь все равно брякнул это ради прикола. Мо Яо проигнорировал его шутку и холодно бросил:

— Задание выполнено?

— Угу, выполнено, — кивнул Мо Чэнь. — Подумаешь, секретные данные утащить, много времени не надо! Глава, сколько мы уже не виделись? Я так по тебе соскучился!

Мо Чэнь широко раскинул руки, собираясь обнять Мо Яо. Тот даже не шелохнулся — лишь резким движением перехватил его руку и заломил предплечье за спину. Мо Чэнь завопил во всю глотку:

— Ой-ой-ой, глава, я виноват! Сжался, отпусти калеку, младший больше ни за что не посмеет!

<http://bllate.org/book/22270/2331514>